

ФАЗА НА НОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕРГЕЙ ПЛАКСИН

18+

Сергей Плаксин
ФАЗА НА НОЛЬ

«Автор»

2026

Плаксин С. А.

ФАЗА НА НОЛЬ / С. А. Плаксин — «Автор», 2026

Один день. Пять пациентов. Идеально спланированный эксперимент, который превратится в локальный апокалипсис.

© Плаксин С. А., 2026

© Автор, 2026

Сергей Плаксин

ФАЗА НА НОЛЬ

«ФАЗА НА НОЛЬ»

Новелла, психологический триллер

Сергей Плаксин

Аннотация:

Один день. Пять пациентов. Идеально спланированный эксперимент, который превратится в локальный апокалипсис.

Пролог

Солнце лупило в окна провинциальной больницы так, словно хотело выжечь старый советский линолеум к чертовой матери. Это был один из тех издевательски прекрасных дней, когда небо сияет безмятежной синевой, за окном орут птицы, а тебе хочется сдохнуть.

Аня сидела на обшарпанной кушетке в коридоре отделения гинекологии. Двадцатилетняя, тощая, с побелевшими костяшками пальцев, намертво вцепившимися в потертую дерматиновую сумочку. От нее пахло дешевым мылом и липким, холодным страхом. Стерильный запах хлорки, запекшейся крови и спирта забивался в нос, вызывая тошноту.

Дверь сестринской жалобно скрипнула. В коридор вышла Валя. Тоже двадцатилетняя, но, в отличие от Ани, полная жизни, румяная, в накрахмаленном белом халате, который сидел на ней с такой вызывающей аккуратностью, будто она собиралась на танцы, а не утки выносить. В зубах она меланхолично жевала мятную жвачку, а в руке крутила металлическую шариковую ручку. Щелк. Щелк. Щелк.

— Анька? — Валя перестала щелкать ручкой. Пузырь жвачки лопнул с тихим влажным звуком. — Ты чего тут забыла? Заболела, что ли?

Аня вздрогнула, подняв на нее затравленный взгляд.

— Валь... мне на десять тридцать. На... ну, ты понимаешь.

Валя прищурилась от яркого солнца, бывшего прямо ей в лицо. До нее дошло.

— Да ладно, — протянула она, присаживаясь рядом на скрипучий стул. — От Борьки, что ли?

Аня судорожно кивнула, глотая подступающий к горлу ком.

— Он же пьет, Валь. Он вчера снова нажрался, пришел в хлам, орал что-то про то, что жизнь кончена. Куда мне рожать? Я сама еще... куда мне? Мы сдохнем в нищете, или он нас прибьет по пьяни.

Валя закинула ногу на ногу. Ее белый медицинский тапочек начал ритмично покачиваться.

— Ой, да все они пьют. Скажешь тоже — прибьет. Мой вон тоже пиво глушит, как лошадь воду, — философски, с ноткой превосходства заметила медсестра, глядя на танцующие в солнечном луче пылинки. — Родите — остепенится. Ребенок мужика меняет, Ань. У них там, — она неопределенно покрутила в воздухе ручкой, — инстинкты просыпаются.

— Мне страшно, Валь.

— Страшно ей. А выскребать из себя живое — не страшно? — Валя наклонилась ближе, и резкий запах перечной мяты на секунду перебил больничную вонь. — Ты подумай, Ань. Это же человек. Твой человек. А Борька твой... да куда он денется. Закодирuem, если что. Тут у нас в наркологии Михалыч такие чудеса творит — мертвые пить бросают.

В коридоре повисла тяжелая, душная тишина, прерываемая лишь далеким гудением трансформатора да смехом на улице. Солнце жгло Ане колени через тонкую ткань юбки. Она

посмотрела на деревянную дверь с облупившейся краской и табличкой «Процедурная». За ней лязгнул металл — кто-то бросил инструменты в стерилизатор. Аня содрогнулась, словно этот звук прошелся по ее собственным костям.

— Думаешь... справимся? — едва слышно прошептала она, разжимая пальцы на сумочке.

— А то! — Валя хлопнула ее по коленке с такой силой, что эхо разнеслось по пустому коридору. — Я тебе сама пеленки достану по блату. Вставай давай. Пошли, я тебя чаем напою. У меня печенье есть. «Юбилейное».

Аня медленно встала. Страх немного отступил, уступив место тупому, изматывающему облегчению от того, что решение принял кто-то другой. Она покорно пошла вслед за уверенно шагающей по линолеуму медсестрой.

Валя улыбалась, жмурясь от невыносимо яркого света. На душе у нее было легко и кристально чисто. Она искренне, до глубины души верила, что сегодня сделала большое, доброе дело. Спасла жизнь.

Она не знала, и не могла знать, что этим коротким, ничего не значащим разговором, этим мятным дыханием и пачкой дешевого печенья, она только что собственноручно запустила таймер на часовой бомбе. Бомбе, которая будет тихо тикать ровно тридцать пять лет, чтобы в один прекрасный день разорвать ее собственную жизнь на кровавые ошметки.

Но сегодня было слишком солнечно, чтобы думать о плохом.

Глава 1.0. Сеанс первый: Вдова

Кабинет Дмитрия был обставлен с претензией на уют, но пахло в нем почему-то пылью и старыми газетами. На стене мерно тикали часы, похожие на тарелку, а в углу стоял кулер с водой, который жил своей собственной, непредсказуемой жизнью.

Дмитрий сидел в кожаном кресле, которое предательски скрипело при каждом вдохе, и смотрел на женщину напротив.

Его эксперимент начался. Четыре человека за один день. Четыре сломанных механизма, которые он собирался разобрать и попытаться собрать заново, пока солнце не сядет за крыши этого унылого городишка.

"Четыре травмы подряд. Как марафон по поеданию стекла. Главное — самому не свихнуться до ужина," — подумал Дмитрий, потирая переносицу.

Перед ним сидела Валентина Петровна. Пятьдесят пять лет. Одетая во что-то серо-коричневое, бесформенное, купленное, вероятно, на распродаже лет восемь назад. На коленях она нервно тискала дерматиновую сумку, с которой уже облезала краска.

— Понимаете, Дмитрий... э-э... — Она запнулась, хлопая ресницами, на которых комками висела дешевая тушь.

— Просто Дмитрий. Можно без отчества, Валентина Петровна, — его голос звучал мягко, профессионально бархатно.

"Голос номер три. «Понимающий друг». Женщины за пятьдесят на него ведутся безупречно," — пронеслось в его голове.

— Да... Дмитрий. Понимаете, я суп варила. Борщ. С мозговой косточкой, как Толя любил. А он пошел на балкон курить. Он всегда курил «Яву», представляете? Я ему говорю: «Толя, от тебя разит, как от пепельницы в привокзальном туалете», а он смеется. И тапочки на нем были... синие такие. С помпончиками. Я их на рынке за триста рублей взяла.

Дмитрий кивал, не перебивая.

— И вот я чищу свеклу. Руки все красные, как в крови. И тут звук такой... Знаете, как будто кто-то огромной линейкой по столу хлопнул. Прямо вот — щелк! И стекло посыпалось. Я кричу: «Толя, ты банку разбил?!» А он не отвечает.

Валентина Петровна замолчала. Ее нижняя губа, покрытая морщинками, начала мелко трястись.

— Я выхожу на балкон, а он... Он сидит на табуретке. Сигарета в руке еще дымится. А полголовы... Полголовы просто нет. И на стене сзади что-то красное и серое. А тапочки эти синие... один с ноги слетел.

"Классика," — хладнокровно отметил Дмитрий. *"Мозг цепляется за помпончики на тапочках, потому что осознать ошметки черепа мужа на обоях он не в состоянии. Защитный механизм. Обожаю эту биологическую изоляцию."*

Внезапно в углу кабинета раздался звук, похожий на предсмертный хрип гиппопотама. Кулер с водой издал утробное «БЛУРГ-ГЛУХ-ХРРР» и выплюнул в пластиковый поддон порцию кипятка.

Валентина Петровна вздрогнула так, что выронила сумку на пол. Из нее выкатилась наполовину съеденная пачка мятного «Рондо» и помада.

— Господи Иисусе! — выдохнула она, хватаясь за сердце.

— Не обращайтесь внимания, — Дмитрий даже не моргнул, хотя сам чуть не откусил себе язык от неожиданности. — Это просто воздух в системе. Продолжайте, Валентина Петровна. Как вы узнали, что произошло?

Она суетливо собрала вещи с пола, тяжело дыша.

— Следователь сказал. Сказал, шальная пуля. Представляете? У нас же спальня район! Кошки, пенсионеры. А в соседнем подъезде, оказывается, какой-то мужик из ружья палил. Виктор его звать. Дурак какой-то деревенский. К нему бандиты ломились, а он с перепугу шмалять начал через дверь. И одна пуля прямо через гипсокартон, через улицу — и моему Толе в голову. Ну вот как так, Дима? Как?

Она наконец достала из кармана скомканный бумажный платок и громко, с влажным хлюпаньем высморкалась.

— Я теперь спать не могу. Ложусь, закрываю глаза, и мне кажется, что сейчас в стену пуля прилетит. Я кровать в коридор вытащила. Сплю между туалетом и прихожей, как собака. И пустота внутри, Дима. Как будто мне в груди дыру прострелили, а не ему.

Дмитрий подался вперед. Его поза выражала крайнюю степень участия.

"Жизнь — это потрясающе тупая штука. Ты можешь не пить, не курить, переводить бабушек через дорогу, а потом сосед-кретин наложит в штаны от страха, нажмет на курок, и твои мозги украсят балкон. Какая восхитительная, бессмысленная энтропия."

— Валентина Петровна, — Дмитрий заговорил чуть медленнее, вбивая каждое слово, как гвоздь. — Вы ищете в этом логику. Пытаетесь понять, за что вам это. Но правда в том, что логики нет. Этот Виктор не хотел убивать вашего мужа. Бандиты не хотели убивать вашего мужа. Это просто цепь уродливых случайностей. Вы застряли в моменте, когда чистили свеклу. Вы все еще стоите на той кухне.

Она подняла на него заплаканные, покрасневшие глаза, в которых проблеснула слабая надежда.

— И что мне делать?

— Перестать спать у туалета, — жестко, но с улыбкой сказал Дмитрий. — Для начала. Сегодня вечером вы вернете кровать на место. Это будет ваше первое домашнее задание. Выживает не тот, кто прячется от шальных пуль, а тот, кто понимает, что от них не спрятаться, и продолжает варить борщ.

Валентина Петровна слабо улыбнулась. Хлюпнула носом.

— С косточкой...

— Именно. С косточкой.

Дмитрий бросил взгляд на часы. Время ее сеанса подходило к концу. Первый пациент оказался скучным, предсказуемым, но идеально подходил для разминки.

— Наше время вышло, Валентина Петровна. Жду вас... — Дмитрий осекся. Эксперимент же однодневный. — Жду, что вы выполните задание. До свидания.

Она неуклюже поднялась, долго благодарила, кланялась и, наконец, вышла, оставив после себя стойкий запах корвалола и старой ткани.

Дмитрий откинулся в кресле, потянулся так, что хрустнули позвонки в пояснице. *"Один готов. Вдова ушла двигать мебель. Кто там у нас следующий по расписанию? Ах да. Тот самый идиот с ружьем."*

Дмитрий нажал кнопку селектора на столе.

— Света, зови следующего. И принеси мне кофе. Только не из этой адской машины, а нормальный.

Кулер в углу угрожающе булькнул в ответ.

Глава 1.1. Сеанс первый: Вдова

Динамик селектора ответил коротким, странным шипением, похожим на звук перематываемой магнитофонной кассеты.

В этот момент в кабинете произошло что-то неуловимо неправильное. Воздух вдруг стал густым и вязким, как желатин. Пылинки, танцующие в луче света, замерли на долю секунды, а затем... дернулись в обратную сторону. Кулер в углу издал омерзительный звук «ХРРР-ГЛУХ-БЛУРГ», словно его сейчас стошнит, но пузыри внутри пластиковой бутылки пошли не вверх, а почему-то вниз.

Дмитрий моргнул, потирая переносицу. *"Отлично. Галлюцинации от скуки. Нужно было просить Свету принести коньяк, а не кофе."*

Дверь робко скрипнула.

Дмитрий нацепил на лицо свою фирменную, понимающую полуулыбку, ожидая увидеть огромного, потеющего Виктора, но улыбка тут же сползла, сменившись выражением легкого академического ступора.

На пороге стояла Валентина Петровна. В том же самом серо-коричневом бесформенном платье. С той же самой облезающей дерматиновой сумкой, намертво зажатой в руках.

Она робко прошла к креслу для пациентов и села на самый краешек. Кожаная обивка предательски скрипнула.

— Понимаете, Дмитрий... э-э... — Она запнулась, хлопая ресницами, на которых комками висела дешевая тушь.

"Так, ладно," — мозг Дмитрия заработал на максимальных оборотах, отсекая панику. *"Либо Света нашла где-то на улице точную копию этой женщины, либо у меня микроинсульт. Улыбаемся и диагностируем."*

— Мы... мы же только что попрощались, Валентина Петровна? Вы что-то забыли? — предельно мягко спросил Дмитрий.

Она посмотрела на него с искренним, неподдельным недоумением.

— Прощались? Да мы же только поздоровались... Дмитрий. Можно без отчества?

Дмитрий замер. Волоски на его руках медленно встали дыбом.

— Понимаете, — продолжила женщина, нервно тиская сумку, — я суп варила. Борщ. С мозговой косточкой, как Толя любил. А он пошел на балкон курить. Он всегда курил «Яву», представляете?

Дмитрий сидел, парализованный. Его блестящий, рациональный ум бился о стенки черепа, как птица в клетке.

"Она повторяет текст. Почти слово в слово. Интонация, паузы, этот ебучий вздох после слова «Яву»! Это не дежавю. Дежавю — это сбой в гиппокампе. А это — сбой в матрице. Она сейчас скажет про синие тапочки. Если она скажет про синие тапочки, я выйду в окно."

— Я ему говорю: «Толя, от тебя разит, как от пепельницы в привокзальном туалете», а он смеется. И тапочки на нем были... синие такие. С помпончиками. Я их на рынке за триста рублей взяла.

Внезапно в углу кабинета раздался звук, похожий на предсмертный хрип гиппопотама. Кулер с водой плюнул в пластиковый поддон порцию кипятка.

Валентина Петровна вздрогнула так, что выронила сумку на пол. Из нее выкатилась наполовину съеденная пачка мятного «Рондо» и помада. Точно так же, как час назад. Вплоть до миллиметра.

"Сука. Сука-сука-сука!" — Дмитрий вцепился пальцами в подлокотники так, что побелели костяшки. *"Я в аду. Я умер от скуки пять минут назад и попал в ад, где меня будет вечно пытать вдова с борщом и помпончиками!"*

— Господи Иисусе! — выдохнула она, хватаясь за сердце.

Дмитрий открыл рот. Он знал каждую ее следующую реплику. Он мог закончить за нее каждое предложение. Он мог рассказать ей про шальную пулю, про соседа с ружьем, про мозги на обоях и кровать у туалета. Время сломалось, свернулось в петлю и хлестнуло его по лицу.

Дмитрий сглотнул. В горле пересохло так, словно он только что сожрал ложку строительного гипса.

"Спокойно. Дыши. Если это галлюцинация, то она должна быть линейной. Главное — не спугнуть собственную шизофрению," — его блестящий, тренированный ум отчаянно пытался зацепиться хоть за какую-то логику. Если это временная петля, как в тех дурацких фильмах, то любое его резкое движение может схлопнуть реальность. Или перезапустить цикл. Нужно просто досмотреть этот спектакль до конца и найти баг в системе.

— Не обращайтесь внимания, — картонным, неживым голосом произнес он. — Это просто... воздух в системе. Продолжайте, Валентина Петровна. Как вы узнали, что произошло?

Она суетливо, точно по раскадровке, собрала с линолеума помаду и «Рондо», тяжело дыша.

— Следователь сказал. Сказал, шальная пуля. Представляете? У нас же спальный район! А в соседнем подъезде, оказывается, какой-то мужик из ружья палил. Виктор его звать.

"Виктор. Да, Витя-долбоёб, я знаю. Если только этот ебаный день сурка не стер его из вселенной," — Дмитрий смотрел на нее не моргая. Его левый глаз начал едва заметно дергаться в такт тиканью часов.

Валентина Петровна достала скомканный бумажный платок. Влажный, омерзительный хлюп разнесся по кабинету.

— Я теперь спать не могу. Сплю между туалетом и прихожей, как собака. И пустота внутри, Дима. Как будто мне в груди дыру прострелили, а не ему.

Дмитрий сидел как парализованный. Он чувствовал себя мухой, которая бьется в прозрачное стекло. Ему нужно было нащупать выход из этой карусели. Если он скажет что-то другое, она сломается? Или всё взорвется?

Он решил пойти по проторённой дорожке. Выполнить скрипт до конца, слово в слово.

— Валентина Петровна, — его голос звучал так, будто он зачитывал приговор самому себе. — Вы ищете в этом логику. Но правда в том, что логики нет. Это просто цепь уродливых случайностей. Сегодня вечером вы вернете кровать на место. Это будет ваше первое домашнее задание.

Она подняла на него заплаканные, покрасневшие глаза. На мгновение Дмитрию показалось, что в них мелькнуло что-то механическое.

— И что мне делать? — хлюпнула она носом. — С косточкой...

— Да. Верно. С косточкой, — выдавил Дмитрий, вцепившись в подлокотники так, что побелели пальцы.

Она неуклюже поднялась, долго благодарила, кланялась и пошла к выходу. Запах корвалола ударил в ноздри.

Дверь закрылась. Щелк.

Дмитрий не дышал. Он сидел в абсолютной тишине, прислушиваясь к каждому шороху. Прошло десять секунд. Двадцать. Воздух оставался нормальным. Кулер молчал.

"Я сломал петлю. Я просто отыграл свою роль, и время пошло дальше. Господи, я гений. Мне нужно выписать себе Нобелевскую премию по психиатрии и стакан водки," — он истерично выдохнул, вытирая ледяной пот со лба.

Дмитрий медленно, всё еще дрожащей рукой, потянулся к селектору.

— Света... — каркнул он в микрофон. — Зови следующего.

Глава 1.2. Сеанс первый: Вдова

Динамик ответил коротким, странным шипением, похожим на звук перематываемой магнитофонной кассеты.

Воздух в кабинете мгновенно превратился в густой желатин. Пылинки замерли в воздухе, а затем послушно поплыли назад. Кулер в углу утробно булькнул, с отвратительным хлопаньем втягивая в себя кипяток из пластикового поддона.

Дверь робко скрипнула.

Дмитрий не стал поднимать голову от стола. Он уже знал, кто там. Он слышал этот неуверенный, шаркающий шаг. Слышал шуршание серо-коричневого платья и скрип облезающей дерматиновой сумки.

Она прошла к креслу, села на краешек. Обивка предательски скрипнула.

— Понимаете, Дмитрий... э-э... — Валентина Петровна запнулась, хлопая ресницами, на которых комками висела дешевая тушь. — Я суп варила...

Дмитрий резко поднял голову. В его глазах горел холодный, маниакальный огонь человека, которого только что лишили последних крохов рассудка, и которому теперь абсолютно нечего терять.

— Борщ! — рявкнул он, хлопнув ладонями по столу с такой силой, что подпрыгнула подставка для ручек.

Валентина Петровна вздрогнула, поперхнувшись воздухом.

— Б-борщ... — пролепетала она, вжимаясь в кресло. — С мозговой косточкой! — Дмитрий вскочил на ноги, нависая над столом. Его голос звенел от ярости и отчаяния. — Как любил ваш Толя! Который пошел на балкон курить свою блядскую «Яву»!

"Я сломаю эту чертову пластинку. Я разорву этот скрип на куски, даже если от этого схлопнется вся вселенная," — пульсировала в его голове безумная мысль.

Вдова сидела с открытым ртом, побелев как мел. Сумка выпала из ее ослабевших рук. Помада и пачка «Рондо» с грохотом покатались по линолеуму, но Дмитрий не дал ей даже шанса напугаться.

— А потом шелк! — он шелкнул пальцами прямо перед ее носом. — Стекло посыпалось! Вы выходите, а там полголовы нет! Ошметки на обоях! И синие тапочки с помпончиками с рынка за триста рублей, один слетел! Я знаю, Валентина Петровна! Я всё это знаю!

Он обошел стол, схватил ее под локоть и одним движением рывком поднял на ноги.

— Это был Виктор! Сосед-идиот с ружьем! Он палил через дверь! Это шальная пуля, логики нет, Вселенная — это кусок дерьма, а вы спите у туалета! Ваше домашнее задание: сегодня же вечером отодвинуть кровать обратно! Всё, сеанс окончен! Вы исцелены! До свидания!

Он буквально вытолкнул онемевшую от ужаса женщину за дверь. Валентина Петровна не успела издать ни звука. Ее глаза были размером с блюдца. Дмитрий захлопнул за ней дверь, повернул замок и прислонился к дерматиновой обивке, тяжело, загнанно дыша.

"Всё. Конец. Я сломал систему," — подумал он, сползая по двери на корточки.

В этот момент стены кабинета дрогнули. Тиканье часов превратилось в оглушительный набат. Линолеум под ногами Дмитрия внезапно стал мягким, податливым и... мокрым.

Он провалился.

Гравитация исчезла. Дмитрий открыл глаза и обнаружил, что парит в бесконечном, бескрайнем пространстве, окрашенном в густой, багровый цвет. Здесь не было ни верха, ни низа. Пахло наваристым мясным бульоном, вареной свеклой и дешевым корвалолом.

Мимо него, медленно вращаясь в пустоте, проплыла гигантская, размером с пятиэтажный дом, пачка мятного «Рондо».

Дмитрий завис в этом бордовом космосе. Прямо под ним простирался океан кипящего борща. Из океана, подобно древним тотемам, торчали колоссальные, высотой с небоскреб, мозговые кости с прилипшими кусками мяса. А вдалеке, на горизонте, плыл континент. Присмотревшись, Дмитрий понял, что это гигантский синий тапочек. С помпончиком, размером с метеорит.

"Интересно," — его мозг, оказавшись за пределами реальности, включил режим холодной, аналитической отстраненности. *"Что это? Локальная темпоральная аномалия, вызванная сингулярностью чужого горя? Или защитный механизм моей собственной психики? Мой разум настолько гениален, что создал карманную вселенную из атрибутов травмы пациентки, чтобы избежать выгорания? Я застрял в ее травме. Я буквально барахтаюсь в ее борще. Восхитительный абсурд."*

Дмитрий наблюдал, как на синий тапочек-континент с неба медленно падает огромный, разорванный бумажный платок.

"Я нарушил естественный ход терапии," — рассуждал он, паря среди капустных листьев размером с парашют. *"Я попытался ускорить процесс, проявил агрессию. И система выбросила меня в буфер обмена. Чтобы вернуться, мне нужно просто стереть этот файл. Стереть ошибку."*

Багровый океан внизу вдруг забурился с невероятной силой. Из его глубин поднялась гигантская воронка. Она засасывала в себя кости, тапочки, «Рондо», запах корвалола и самого Дмитрия.

Его закружило, растянуло в тонкую нить, а затем с оглушительным влажным хлопком втянуло в абсолютную, кристальную темноту.

Дмитрий с резким, рваным вздохом распахнул глаза, словно вынырнул из-под толщи воды. Он сидел в своем кожаном кресле. Пальцы намертво вцепились в подлокотники, оставив на дешевом дерматине глубокие вмятины. По виску катилась холодная капля пота, щекоча кожу.

В кабинете пахло пылью, старыми газетами и едва уловимо... вареной свеклой.

"Твою мать," — мысль прозвучала в голове так громко, что едва не расколола череп. *"Это не стерлось. Я всё помню. Я помню этот ебанный синий помпончик размером с Челябинск. Я барахтался в океане супа, сваренного из чистого, концентрированного вдовьего горя. И я точно знаю, что только что орал на эту несчастную женщину, прорывая дыру в пространственно-временном континууме."*

Он медленно опустил взгляд на свои руки. Они мелко дрожали. На манжете белоснежной рубашки виднелось крошечное, почти микроскопическое красное пятнышко. Бордовое.

"Если я кому-нибудь об этом расскажу, меня запрут в палате с мягкими стенами и будут кормить галоперидолом до конца моих дней. Отличный старт однодневного эксперимента, Дима. Ты вылечил пациентку, попутно травмировав саму ткань мироздания."

Дмитрий сглотнул вязкую слюну, заставил себя разжать сведенные судорогой пальцы и откинулся на спинку кресла. Оно жалобно, до боли знакомо скрипнуло. На стене мерно тикали

часы. Пылинки спокойно плясали в луче света. Время снова текло линейно, как ему и положено в приличном провинциальном городке.

Вдова ушла. Петля разорвана. Но впереди было еще три пациента, и теперь Дмитрий смотрел на свой кабинет не как на рабочее место, а как на заминированный полигон, где любая пролитая слеза или сопливая история может открыть портал в новый кулинарно-шизофренический ад.

Он вытер пот со лба рукавом, бросил долгий, тяжелый взгляд на пятнышко на манжете и нажал кнопку селектора на столе.

— Света... — его голос прозвучал хрипло, словно он долго кричал. Он прокашлялся, возвращая себе профессиональный бархатный тон. — Света, зови следующего. И принеси мне кофе. Только не из этой адской машины, а нормальный. И, Света...

Он на секунду замялся, глядя на закрытую дверь.

— ...если кто-то зайдет и начнет рассказывать мне про борщ, я уволю тебя к чертовой матери.

Кулер в углу угрожающе булькнул в ответ.

Интерлюдия 1: Большой мальчик в темноте

Темнота в старом деревенском доме была не просто отсутствием света. Она казалась густой, осязаемой, как черная шерсть гигантского зверя, забившегося во все углы. Пахло кислой овчиной, пылью, мышинным пометом и застарелым страхом.

Мальчику было пять лет. Но если бы вы посмотрели на этого плотного, ширококостного медвежонка в растянутых колготках на лямках, вы бы дали ему все восемь. Он сидел на полу под столом, подтянув массивные коленки к подбородку, и шумно, с сопливым присвистом, дышал через рот.

Взрослые ушли к соседям. Оставили его одного. «Ты же у нас большой мальчик», — сказали они.

Но большой мальчик до одури, до судорог в животе боялся темноты.

В сенях что-то скреблось.

Шурх. Шурх. Скрип.

Мальчик перестал дышать. Его мозг, не обремененный интеллектом, но невероятно богатый на первобытные, животные инстинкты, тут же нарисовал картину надвигающегося апокалипсиса. Это не могла быть мышь. Это точно были бандиты. Или волки. Или те страшные цыгане, которыми бабка пугала его за непослушание. Они пришли, чтобы забрать его, разрезать на куски и съесть.

Шурх... царан-царан.

Звук приближался к двери в горницу. Мальчик почувствовал, как по ногам потекло что-то теплое — мочевой пузырь предательски сжался от ужаса. Ему нужно было оружие. Срочно.

Пальцы-сардельки судорожно зашарили по полу вокруг ножки стола и наткнулись на холодный, шершавый металл. Утюг. Старый, советский, литой чугунный утюг, которым бабка гладила простыни, предварительно нагревая его на печи. Он весил почти столько же, сколько сам мальчик.

Ребенок вцепился в ржавую ручку обеими руками. Холодный чугун придал ему обманчивое чувство защищенности.

Входная дверь в горницу протяжно, жалобно заныла. В образовавшуюся щель, куда падал тусклый серебристый свет от уличного фонаря, бесшумно скользнула тень. Низкая. Быстрая. Непонятная.

Паника — слепая, липкая, отключающая все мыслительные процессы и оставляющая только чистый инстинкт выживания — ударила мальчику в голову.

Он не стал разбираться, кто там. Он зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные круги, с утробным, отчаянным рыком вскочил на ноги и швырнул тяжеленный кусок чугуна прямо в темноту, туда, где двигалась тень.

Хрясь.

Это был отвратительный, влажный звук ломающихся хрящей. За ним последовал короткий, жалкий, сдавленный писк — и мгновенная, звенящая тишина. Утюг с мерзким скрежетом проехался по половицам и остановился, ударившись о порог.

Мальчик стоял, тяжело дыша. Его руки тряслись. Он подождал, пока чудовище накинется на него из темноты, но никто не накинута.

На ватных ногах, шмыгая носом, он подошел к стене и щелкнул тугим эбонитовым тумблером. Тусклая желтая лампочка под потолком неохотно моргнула и осветила прихожую.

У порога лежал котенок. Соседский, серый, абсолютно глухой на оба уха. Утюг припечатал его к полу с безжалостной гравитацией, оставив на некрашенных досках мокрое, стремительно расплзающееся темное пятно. Котенок даже не понял, что его убило — он не слышал ни летящего чугуна, ни крика мальчика. Он просто шел на запах парного молока, оставленного на кухне.

Мальчик стоял и смотрел на расплющенный серый комок.

В его груди не было сочувствия к животному. В его крошечном, животном мире была только одна трагедия — его собственная. Он чувствовал колоссальную, всепоглощающую жалость к самому себе. Губы мальчика задрожали, лицо скривилось, и крупные, тяжелые слезы покатались по пухлым щекам.

Он опустился на колени рядом с мертвым зверем и громко, навзрыд заплакал, размазывая соплю по лицу грязным кулаком.

— Я не хотел! — кричал он в пустоту комнаты, словно оправдываясь перед невидимым судьей. — Я не хотел его убивать! Я не виноват! Я просто сильно испугался!

Глава 2.0. Сеанс второй: Убийца

Секретарша Света вошла в кабинет, неся крошечную чашечку эспрессо так, словно это была капсула с плутонием. Она брезгливо поставила ее на стол Дмитрия и быстро ретировалась, оставив дверь приоткрытой.

Из коридора потянуло запахом дешевого табака и застарелого пота. В кабинет протиснулся мужчина. Именно «протиснулся», потому что Виктор был огромным, как шкаф, но при этом пытался казаться как можно меньше. На нем был надет серый свитер, который колосся даже на вид, и брюки, явно помнившие еще его школьный выпускной. Он неуклюже топтался на месте, сминая в огромных мозолистых руках дешевую бейсболку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.